

УДК 821.111.09–1+929 Чосер

Повседневная реальность Англии в художественной литературе и исторических источниках XIV–XV веков

Т. В. Мосолкина

Мосолкина Татьяна Валентиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tmosolkina@mail.ru

В статье предпринята попытка соотнести содержание художественной литературы Англии (на примере «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера) с данными исторических источников XIV–XV вв. Материалы документов дают основание сделать вывод, согласно которому персонажи и сюжеты, представленные на страницах «Кентерберийских рассказов», отражают реальную действительность современной автору Англии, а Джеффри Чосера по праву можно считать одним из первых писателей-реалистов.

Ключевые слова: Чосер, сюжеты «Кентерберийских рассказов», персонажи «Кентерберийских рассказов», исторические документы XIV–XV вв.

Everyday Life of England in Fiction and Historical Sources of the XIV–XV Centuries

T. V. Mosolkina

Tatyana V. Mosolkina, <https://orcid.org/0000-0002-7109-2163>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tmosolkina@mail.ru

In this article an attempt to correlate the ideas of Geoffrey Chaucer's «Canterbury Tales» with data of historical sources of the considered period is made. The documents give the basis to draw a conclusion, that characters and the plots presented on the pages of «Canterbury Tales» reflect reality contemporary to English writers, and Geoffrey Chaucer by right is possible to be considered as one of the first writers-realists.

Keywords: Chaucer, plots of the «Canterbury Tales», characters of the «Canterbury Tales», historical documents 14th – 15th centuries.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-58-63>

По мнению ученых, «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера можно рассматривать как энциклопедию по истории средневековой Англии: 29 паломников из разных слоев общества в полной мере воссоздают контекст эпохи. Конечно, ситуации и персонажи в рассказах являются вымышленными, но люди и обстоятельства, в которые они попадают, отражают вполне реальную обстановку XIV–XV столетий. Подтверждением этому могут служить подлинные документы, сохранившиеся в городских и государственных архивах.

Дж. Чосер, знакомя читателей в прологе со своими героями, не характеризует всех паломников, останавливаясь только на некоторых из

них. Поскольку в одной статье невозможно собрать материал из источников на 29 человек, последуем примеру автора «Кентерберийских рассказов». Объектом нашего исследования будут представители третьего сословия, поскольку их, по сравнению с другими персонажами, больше всех – купец, шкипер, ткачиха из Бата, красильщик, плотник, шапочник, ткач, подмастерье и др.

Время, когда Дж. Чосер писал «Кентерберийские рассказы», можно охарактеризовать как переходный этап в истории страны, когда старые, устоявшиеся отношения сталкиваются и переплетаются с новыми. В XIV–XV вв. продолжали развиваться те же процессы, что и прежде, но вместе с тем, имели место и новые веяния – начинается упадок цехового ремесла и одновременно возникают новые формы производства, меняются социальная структура и менталитет общества. Это отражено в исследованиях М. М. Ябровой¹, С. М. Стама², Л. Н. Черновой³.

Постараемся представить себе людей XIV–XV вв. с помощью тех документов, которые имеются в нашем распоряжении.

В то время, как король и бароны изнуряли королевство и уничтожали себя в бесконечной династической борьбе, энергичные и уверенные в себе английские горожане накапливали собственное богатство и приумножали славу города. Однако наряду с положительными качествами – отвагой, энергией и находчивостью – они часто проявляли беспринципность и эгоизм. Чосер это очень ярко представил, относясь с симпатией к предприимчивости своих героев, но не замалчивал и их отрицательные стороны.

Характеризуя Шкипера, Чосер называет его «прекрасным малым», но при этом отмечает, что Шкипер не брезговал разбоем⁴. Данный пример совершенно точно отражал реальность того времени.

Хотя и существовали морские законы (морское право), беззаконие стало обычаем. В документах постоянно встречаются сведения о потерях кораблей в результате пиратских захватов, кораблекрушений и ограблений.

Предприимчивые купцы не стеснялись себя в средствах, опускаясь иногда до простого разбоя. Еще в 1294 г. упоминалось о том, что некто Уолтер Хобб из Бристоля захватил корабль голландских купцов и присвоил его груз. После долгой тяжбы он был вынужден вернуть корабль и товары и уплатить значительную сумму

(65 фунтов) за причиненный ущерб⁵. В этом не было бы ничего удивительного, если бы Хобб являлся обыкновенным пиратом, но он был крупным торговцем. В разбое подозревался и Роджер Тергл, мэр Бристоля в 1321 г.⁶ В сговоре с пиратами обвинялся Генри Мей, представитель одной из богатейших семей в Бристоле⁷. Жадность и беззастенчивость купцов выражалась и в обмане королевских чиновников. В 40-е гг. XV в. Джон Уинч, чтобы избежать конфискации своего товара королем, поскольку он торговал без лицензии, передал его в качестве уплаты долга мэру Бристоля, а корабль срочно продал, поставив тем самым в затруднительное положение королевского контролера⁸.

Подобные действия были характерны не только для английских купцов. Ссылаясь на письма флорентийского купца Франческо Датини, И. А. Краснова отмечает, что итальянские купцы и их факторы часто вступали в сделки с пиратами, в результате чего «порой трудно было различить, где кончается “добрый купец” и начинается морской разбойник»⁹. С развитием торговли и ростом конкуренции увеличивалось и количество разного рода обманов и мошенничества, несмотря на все предосторожности купцов. И это можно было наблюдать не только в Бристоле XIV–XV вв., но и в других городах Англии и континента.

Одним из самых ярких персонажей «Кентерберийских рассказов» является ткачиха из Бата. Чосер характеризует ее как прекрасную мастерицу, не уступающую ткачихам из Гента:

«В тканье была большая мастерица,
Ткачихам гентским впору подивиться»¹⁰.

Это сравнение не случайно, поскольку фландрские ткачи производили лучшее в Европе сукно. Образ Батской ткачихи как нельзя лучше иллюстрирует положение женщин в Англии рассматриваемого времени.

Рост самосознания английских горожан особенно наглядно проявился в изменении воззрений на социальное место женщины. К XIV–XV вв. значительно возросла хозяйственная и правовая самостоятельность горожанок. В документах того времени довольно часто встречаются сведения не только о работавших по найму прядильщицах или ткачихах, но и о женщинах-мастерах различных специальностей. Женщины также начинают заниматься торговлей наравне с мужчинами. Например, в 1344 г. в «Обычаях города Бристоля» особо оговаривалось, что «женщины-пивовары, которые продают эль вопреки ассизе, будут штрафовать в соответствии с их поступком»¹¹.

Более того, в таможенных отчетах встречаются имена женщин, участвовавших во внешней торговле. Чаще всего это были вдовы купцов, которые продолжали или заканчивали дела своих покойных мужей. Если Уильям Берд, имевший двух сыновей, завещал жене и трем дочерям, кроме прочего наследства, 20 бочек вайды и 5 бочек железа, то предполагается, что они бу-

дут их реализовывать¹². Крупнейший купец и судовладелец Джон Бертон оставил своей жене Изабелле, кроме недвижимости, наличных денег и утвари, товаров на сумму 200 фунтов, 8 мешков шерсти и четверть собственности на корабле «Le Maria de Bristollia»¹³.

Если купец умирал внезапно, то было вполне естественно, что жена заканчивала вместо него начатое дело. Так, Джоанна, вдова Уильяма Роулистаршего, в 1479 г. получила сахар, а в 1480 г. масло и воск из Лиссабона, а также вайду и вино из Испании. В этом же году на имя Маргарет, вдовы Томаса Роули, прибыло три груза вина из Бордо, один – масла из Севильи и из Фландрии марены на 82 фунта¹⁴. Таможенные отчеты времен правления Эдуарда IV называют 7 женщин-торговцев, которые, вероятно, были вдовами купцов, и 8 других, участвовавших в импорте и экспорте товаров. Часто, когда муж отсутствовал, жена получала товары или деньги, причитавшиеся ему.

Женщины в рассматриваемое время в Бристоле владели недвижимостью: имели права собственности или арендовали землю и дома. В завещании Джона Бертона 1454 г. упоминается сад, принадлежавший Джоанне Эрли (вдове), который арендовал у нее Джон Ньютон. В этом же завещании содержатся сведения о Маргарет Пайк, которая арендовала участок с постройками у Уильяма Тавернера, джентльмена. Правда, с какой целью она арендовала держание, не сказано¹⁵. Уильям Повем в 1454 г. большую часть недвижимости завещал жене, а после ее смерти она должна была перейти сестре завещателя Элис и его дочери Сесилии, хотя у Уильяма Повема были сын и брат, которым тоже была завещана недвижимость. То есть в данном случае женщины наследовали недвижимость наравне с мужчинами. В этом же завещании речь идет о земельном участке, принадлежавшем Маргарет Денем¹⁶.

О повышении правовой самостоятельности женщин говорит тот факт, что они часто упоминаются как душеприказчицы своих мужей. Обычно в завещаниях в качестве душеприказчиков выступали деловые партнеры или родственники-мужчины и на их фоне особенно выделяются такие женщины, как Алиса Саттон, Агнес, вдова Томаса Фиша, а потом Джона Спайсера, Алиса Честер. Например, купец Джон Браун в 1476 г. подробно расписал, кому и что он завещает, а затем распорядился, чтобы оставшееся имущество передали его жене (свою долю она тоже получила по завещанию), и Кэтрин сама могла решать, как лучше употребить остаток на благо души завещателя, его родителей и благодетелей. Душеприказчицей также была назначена жена¹⁷. Здесь проявились явное доверие к здравому уму Кэтрин и уважение к ней. Томас Джоунз не только назначил свою жену душеприказчицей, но и записал, что она может использовать оставшееся имущество, «как сочтет подходящим»¹⁸. Также поступил Морис Хейл – остаток имущества нужно было передать жене,

«чтобы распорядилась им, как она сочтет подобающим»¹⁹. Она же была назначена душеприказчицей. Джон Фланингем, имея брата и сына, доверяет распоряжение имуществом после своей смерти жене Анастасии. И Уильям Роули, имея братьев, назначил душеприказчицей жену Маргарет. Такое же отношение к жене продемонстрировали в XV в. Ричард Форстер, Уильям Сеймор, Лодовик Морс, Уильям Берд, Том Коуган²⁰.

В судебных разбирательствах по торговым и финансовым делам в XV в. также можно было встретить женщин. Например, в 50-е гг. XV в. Джордж Айрленд, олддермен Лондона, подал прошение о возмещении долга в бристольский Ступельный суд против Алисы Саттон²¹. Алиса Честер не только вела торговлю с Испанией, Португалией и Фландрией, но и давала деньги в займы. Известно, что она ссудила 20 фунтов приору Тонтно, когда он испытывал большую нужду и не мог отремонтировать свой дом и уплатить долги²².

Значительную долю среди наемных работников составляли женщины, но говорить об их участии в ремесленном производстве (и торговле) очень трудно, так как средневековое городское законодательство касалось в основном людей, имевших общественный (коммунальный) статус, т. е. мужчин. Женщины получали свой статус от отцов или мужей и редко были допущены к городским свободам, хотя в источниках иногда встречаются упоминания о женщинах-мастерах в разных отраслях производства. Например, в 1346/47 г. в постановлении портных Бристолья сообщается о мастерах-мужчинах и мастерах-женщинах, имевших статус бюргеров. В 1407 г. среди красильщиков города были и мужчины, и женщины²³. В ордонансе красильщиков Йорка в 1380 г. среди 59 членов гильдии названы 4 женщины²⁴. Значительный процент пивоваров в английских городах всегда составляли женщины. В «Обычаях г. Бристолья» 1344 г. подтверждено постановление 1331 г., в котором говорилось о женщинах-пивоварах, нарушавших ассизу о пиве²⁵. К середине XIV в. значительный процент пивоваров в Винчестере составляли женщины – одинокие, вдовы и замужние. То же самое можно сказать и о Йорке²⁶, где в конце XIV в. в списке мастеров-изготовителей пергамента указаны 4 женщины, а Эннис Кипвик была мастером-перчаточником²⁷.

Иногда в источниках упоминаются женщины несвойственных им профессий, например, в 1348 г. в Вестминстере была женщина-кузнец, изготавливавшая инструменты для каменщиков. В 1379 г. в Шеффилде числились 2 женщины-кузнеца; йоркский кузнец Хью Лейфилд в 1485 г. оставил жене Элис 2 наковальни²⁸.

Среди красильщиков-торговцев также можно встретить женщин. Алиса Ричардс торговала сукном в Лондоне вместе с Джоном Хенловом, а Маргарет Роули сама доставляла в Бристоль марену²⁹. Вероятно, это были вдовы красильщиков-купцов, которые продолжали дело своих мужей.

В этом отношении представляет интерес завещание Джона Хенлова, который в 1498 г. оставил «все инструменты своего ремесла» жене, а вайду своей дочери, поэтому вполне вероятно, что они тоже будут организовывать производство сукна и торговать им³⁰.

Чосер упоминает о том, что его героиня занималась благотворительностью. Жизнь и деятельность даже самых богатых людей была связана с постоянным риском. Неудивительно, поэтому, что горожане искали небесной защиты против превратностей стихии и судьбы.

Набожность и благочестие были также присущи им, как беззастенчивость и рационализм. К XIV в. отношения между моралью и религией изменились таким образом, что набожность не служила препятствием всем формам накопительства, и забота о спасении души не мешала земным делам. Разлад между совестью и алчностью, страхом посмертного наказания и стремлением к обогащению нашел свое выражение во многих завещаниях и прижизненных дарах церкви. Средневековые горожане отличались благочестием не только потому, что этого требовали нормы поведения. Это было связано с господствовавшими религиозными доктринами, в частности, учением о чистилище. Стремлением заслужить вечное спасение объясняются многие благочестивые дела зажиточных граждан. Они стремились смягчить суровость божьего суда, которого ждали и боялись, путем получения божьего благоволения. К концу жизни они начинали заботиться о своих душах, демонстрируя, с одной стороны, раскаяние и «запасая», с другой стороны, добрые дела. Богоугодные дела, милосердие и благотворительность были не только способом обеспечить небесное благоволение, но и средством завоевать авторитет и уважение в обществе. Почти во всех завещаниях значительные суммы оставляются на благотворительные нужды. Так, Агнес, вдова Джона Спайсера, завещала держания и лавки своим душеприказчикам, чтобы они по своему усмотрению использовали их для блага души завещательницы, ее бывшего мужа и всех умерших³¹. Алиса Честер заказала новое распятие для хоров в своей церкви лучшим резчиком по дереву, алтарь в южном приделе, позолоченный алтарь Богородицы и подарила искусно сработанную дарохранильницу. Помимо большого количества церковных облачений, алтарных тканей и украшений, она дала «позолоченное серебряное распятие, покрытое эмалью с Марией и Иоанном», стоившее 20 фунтов³².

Та же Алиса Честер, потратившая большие средства на перестройку своего дома и еще больше на богоугодные дела, заслужила благодарность горожан тем, что в 1475 г. установила в порту подъемный кран, которого там никогда не было, «для сбережения товаров как городских купцов, так и чужеземцев»³³. Сооружение крана обошлось ей в 41 фунт³⁴.

В рассказе повара речь идет еще об одном представителе городского сословия – подмастерье торговца. Описание личных качеств героя очень красочно: он задира, озорник, пьяница, картежник, который рад обворовать своего хозяина. Действительно ли при существовавших строгостях в гильдиях по отношению к подмастерьям могли существовать такие работники? Исторические документы однозначно свидетельствуют, что действительно существовали.

Например, в 1346 г. сукновалы Бристоля постановили, что если какой-либо работник (*oueroir*) нанесет материальный ущерб своему мастеру или совершит против него какой-то проступок, то он должен возместить убытки. И «никакой другой мастер не должен нанимать работника, который нанес ущерб своему мастеру таким способом, до тех пор, пока он не даст возмещения своему мастеру»³⁵.

Поскольку за нарушение постановления штраф налагался на мастера, то само появление такого документа свидетельствует о том, что между мастерами шла борьба за рабочие руки, а это позволяло подмастерьям вести себя достаточно свободно. Проблема была настолько острой, что нашла отражение в общегосударственном законодательстве. В 1376/77 г. палатой общин был представлен в парламенте «Билль о рабочих», в котором говорилось: «И самая большая беда – это прием названных беглых рабочих и слуг; когда они убегают от службы у своих хозяев, их тотчас же принимают на службу в чужих местах за такую дорогую плату, что этот прием дает пример и поощрение всем слугам, как только им что-либо не понравится, бежать в чужие места от хозяина к хозяину, как сказано выше»³⁶.

Поэтому не случайно бристольские ткачи в самом конце XIV в. постановили, что «ни один мастер названной гильдии не будет нанимать или предоставлять работу какому-нибудь слуге, против которого возбужден иск или который состоит в соглашении с каким-нибудь другим лицом»³⁷. Эти правила существовали и в других городах. В 1389 г. лондонские литейщики записали в своем постановлении, что если подмастерье находится в ссоре со своим мастером по какой-то причине, то он не должен наниматься на работу другими мастерами до тех пор, пока спор не будет решен. В 1416 г. такую же позицию заняли лондонские медники³⁸.

В ордонансах гильдий иногда оговариваются и условия работы подмастерьев. Например, сукновалы в 1406 г. записали, что «слуги должны приступать к делу и подниматься к их названной работе так же хорошо ночью, как и днем в течение всего года, как было обычно в старое время»³⁹. Следует отметить, что, судя по этому постановлению, ночная работа у сукновалов не была запрещена. Некоторые сведения о поведении подмастерьев можно найти в постановлении кожевников и сапожников 1408 г.: «Поскольку до этого времени различные слуги названной

гильдии оставляли работу у своих мастеров без их позволения или разрешения, развлекаясь на улицах в течение двух или трех дней в неделю к большому ущербу названных мастеров, поэтому ни один такой слуга не должен покидать свою работу с начала до конца недели без разрешения или разумной причины...»⁴⁰.

Видимо, у мастеров были реальные основания для недовольства, потому что сходные жалобы встречаются в разных городах. Лондонские булочники в 1441 г. утверждали, что слуги их гильдии имеют «помещение для пирушек (*reveling hall*) и пьют там, из-за чего многие из них на следующий день не способны хорошо работать»⁴¹. В 1490 г. башмачники Норича жаловались, что их подмастерья, склонные к праздности и разгулу, еженедельно в отдельные дни бросают работу ради развлечений⁴².

Чтобы предотвратить переманивание мастерами работников в гильдиях, устанавливалась строго определенная заработная плата подмастерьям. То, что такое переманивание было достаточно распространено, можно понять из постановления кожевников. В 1408 г. они записали: «И поскольку указано, что жены мастеров вышеназванной гильдии тайно давали и обещали их слугам определенные любезности и подарки сверх договора, из-за чего названные мастера терпели значительный ущерб, по какой причине устанавливается, что ни названные мастера, ни их жены, ни кто-нибудь другой в их семьях отныне не будет обещать или не будет принуждать обещать или давать какому-либо слуге тайно или открыто больше, чем выше установлено»⁴³.

Думается, подобная практика не устраивала подмастерьев. Из запрещений принимать на работу слуг, связанных договором с другим мастером, можно понять, что они пытались искать более выгодные условия найма. Период после Черной смерти был наиболее благоприятным для улучшения положения подмастерьев, о чем свидетельствует повышение их оплаты у сукновалов в период с 1346 по 1381 год. Это была еще одна причина, по которой мастера стремились установить твердые тарифы оплаты.

На протяжении почти 100 лет вопрос о заработной плате оставался злободневным. В 1408 г. мастера-кожевники Бристоля жаловались в городской совет, что они «почти доведены до нищеты чрезмерными требованиями их слуг, которые не желают обслуживать названное ремесло, пока не получат слишком чрезмерную и излишнюю плату вопреки статуту нашего господина короля и обычаям названного города»⁴⁴. Определение заработной платы как «чрезмерной» и «излишней» является почти дословным воспроизведением текста «Статута о рабочих» 1388 г.: «... слуги и рабочие не хотят и долгое время не хотели служить и работать без огромной и чрезмерной платы...»⁴⁵ Вряд ли это можно отнести к последствиям чумы, поскольку к началу XV в.

демографическая ситуация в Англии уже стабилизировалась. Однако цены на предметы первой необходимости неуклонно росли, а заработную плату пытались удержать на уровне 1347 г.

Иногда подмастерья открыто проявляли недовольство, в связи с чем, например сукновалы Бристоля, в 1406 г. отмечали: «Если названные работники будут мятежными или упорными (*are rebellious or factious*) и по злобе своей не захотят работать, тогда названные четыре мастера должны иметь власть арестовать их и представить перед мэром в суд Гилдхолла названного города, чтобы здесь объясниться согласно закону и справедливости»⁴⁶. Поскольку это замечание сделано сразу после того, как определены расценки оплаты за работу, то ясно, в чем будут проявлять работники «мятежность и упорство».

Как уже говорилось, в рассматриваемый период происходят значительные изменения в психологии горожан. Об уверенности в себе и чувстве гордости за принадлежность к городскому сословию говорит, например, одежда той эпохи. Дж. Чосер уделил описанию одежды своих персонажей очень большое внимание. Достаточно вспомнить, как он в Общем прологе к «Кентерберийским рассказам» описывал паломников из числа горожан:

«Купец с ним ехал, подбоченясь фертом,
Напялив много пестрого добра.
Носил он шапку фландрского бобра
И сапоги с наборным ремешком»⁴⁷.

Юрист «носил узорный камзол домашний с шитым пояском»⁴⁸, красильщик, плотник, шапочник и ткач – одежду из добротного сукна и ножи в серебряной оправе; доктор медицины «носил малиновый и синий цвет, и шелковый был плащ на нем надет»⁴⁹. Еще более красочно описана внешность и одежда Батской ткачихи:

«Платков на голову могла навесить,
К обеду снаряжаясь, сразу десять,
И все из шелка иль из полотна;
Чулки носила красные она
И башмачки из мягкого сафьяна»⁵⁰.

В Средние века вопрос о том, как одеваться, был связан с проблемами морали и социального статуса. Каждый человек должен был носить одежду, соответствующую его положению и не оскорбляющую общественную нравственность. Платье показывало положение человека на социальной лестнице, а также степень его достатка, отсюда – стремление проявить себя в одежде, не считаясь с затратами. Из постановлений ремесленных гильдий, городских советов и завещаний горожан можно составить примерное представление о том, какую одежду и обувь носили жители городов. Сапожники в своих ордонаксах упоминали башмаки различных фасонов, изготовленные из кожи разного качества, портные – капюшоны и шапки разных видов, штаны и плащи, изготовители поясов уточняли, как должны бли украшаться пояса для одежды, и т. д.

Одежда, видимо, была очень ярких цветов. Об этом можно судить хотя бы по цвету плащей. Джон Браун в 1476 г. завещал 5 плащей и все разного цвета: Джону Честеру – голубой плащ, священнику Филиппу – длинный темно-красный плащ, брату Томасу – лиловый крашенный плащ и темно-красный капюшон, Джону Вайнеру – длинный зеленый плащ, брату Ричарду – короткий зеленый плащ⁵¹. Плащи украшали по-разному: вышивали, подбивали различным мехом или другим сукном. Уильям Иннинг в 1447 г. среди прочих посмертных даров упоминает три плаща: один красный плащ, подбитый мехом, второй – подбитый мехом темной мерлушки, третий – темным сукном. Богатейший бюргер Бристоля Джон Бертон в 1454 г. наряду с недвижимостью и кораблем упоминает в завещании «два плаща, окаймленные мехом темного цвета, и другой льняной плащ с лучшими головными уборами завещателя, и красный плащ, отороченный мехом»⁵².

Описывая красильщика, плотника, шапочника и ткача, Чосер отмечает, что их жены стремились носить шлейф как можно длиннее. В рассматриваемое время жены знатных горожан имели право носить платье со шлейфом определенной длины. Это касалось только жен олдерменов, по своему положению приравнивавшихся к джентри. «Законы о роскоши» людям низших званий предписывали носить только грубое сукно стоимостью не выше 12 пенсов или полотно и запрещали использовать серебро в отделке оправ ножен⁵³. Тем не менее горожане стремились не отставать от феодалов в роскоши своей одежды и украшали ее дорогими мехами, драгоценными камнями, золотом и серебром.

Страсть к роскоши дошла до того, что во времена Эдуарда IV в 1463 г. был принят закон, регулировавший расходы на одежду и позволявший мэрам, шерифам и олдерменам носить мех куницы и белки, а их слугам ливреи, подбитые мехом⁵⁴. Так, городской совет Бристоля пытался сдержать расточительность своих должностных лиц и уменьшить их расходы на мех. Было установлено, что мэр не должен тратить в год более чем 6 фунтов 13 шилингов 4 пенсов, шериф – 5 фунтов, каждый бейлиф, рикордер и городской клерк – 6 шилингов 8 пенсов, оруженосец мэра – 4 шилинга, каждый разъездной бейлиф и сержант мэра – 2 шилинга⁵⁵.

Оригинальный довод в пользу роста уровня жизни горожан в конце XV в. приводит Х. Суонсон: несмотря на сокращение численности жителей Йорка в конце XV в., перчаточное производство в городе процветало⁵⁶. Для богатых ремесленников и горожан дорога одежда была своеобразным вложением денежных средств и поэтому она часто упоминалась в завещаниях.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что воспроизведенная на страницах «Кентерберийских рассказов» картина современной Джеффри Чосеру жизни англичан абсолютно реалистична.

Примечания

- 1 См.: Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI века). Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1983.
- 2 См.: Стам С. М. К проблеме генезиса капитализма в Западной Европе // Средневековый город : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Научная книга, 1998. Вып. 13. С. 87–100.
- 3 См.: Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла : деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- 4 См.: Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / пер. И. Кашкина, О. Румера. М. : Правда, 1988. Общий Пролог. С. 56.
- 5 Bourne H. R. F. English merchants. L., 1886. P. 63.
- 6 The Staple Court Books of Bristol / ed. by E. E. Rich. Bristol : Bristol Record Society, 1934. P. 71.
- 7 The Overseas trade of Bristol in the later Middle Ages / ed. by E. M. Carus-Wilson. Bristol : Bristol Record Society, 1937. P. 74.
- 8 Ibid. P. 92.
- 9 Краснова И. А. Деловые люди Флоренции XIV–XV вв. : в 2 ч. М. ; Ставрополь : Изд-во СГПУ, 1995. Ч. 1. С. 77.
- 10 Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. Общий Пролог. С. 58.
- 11 The Little Red Book of Bristol : in 2 vols / ed. by F. B. Bickley. Bristol : Hemmons, 1900. Vol. 1. P. 43–44 (далее – LRB).
- 12 The Great Red Book of Bristol : in 3 vols. / ed. by E. W. W. Veale. Bristol : Bristol Record Society, 1953. Vol. 3. P. 152–154. (Далее : GRB).
- 13 Ibid. P. 56–61.
- 14 The Overseas trade of Bristol in the later Middle Ages. P. 223, 227–228, 231–232, 234, 260–264.
- 15 GRB. Vol. 3. P. 56.
- 16 Ibid. P. 104–105, 106.
- 17 Ibid. Vol. 2. Bristol : Bristol Record Society, 1931. P. 211.
- 18 Ibid. P. 213.
- 19 Ibid. Vol. 3. P. 62.
- 20 Ibid. P. 63, 110, 112, 153, 154, 156–158.
- 21 Ibid. P. 20.
- 22 Carus-Wilson E. M. The Overseas trade of Bristol // Studies in English Trade in the Fifteenth Century. N. Y. : G. Routledge & Sons, 1933. P. 243.
- 23 LRB. Vol. 2. P. 27, 83.
- 24 Swanson H. Medieval Artisan. An Urban Class in late Medieval England. Oxford : Blackwell Pub, 1989. P. 42–43.
- 25 LRB. Vol. 1. P. 43–44.
- 26 Swanson H. Op. cit. P. 21–22.
- 27 Ibid. P. 60.
- 28 Ibid. P. 68.
- 29 The Overseas trade of Bristol in the later Middle Ages. P. 258.
- 30 Ibid. P. 158.
- 31 GRB. Vol. 2. P. 207.
- 32 Carus-Wilson E. M. Op. cit. P. 243.
- 33 Ibid.
- 34 Sherborne J. W. The Port of Bristol in the Middle Ages. Bristol : Bristol Branch of the Historical Association, 1965. P. 17.
- 35 LRB. Vol. 2. P. 13.
- 36 Английская деревня XIII–XIV вв. и восстание Уота Тайлера / сост. Е. А. Косминский и Д. М. Петрушевский ; введ. ст. Е. А. Косминского. М. ; Л. : Соцэкгис, 1935. С. 127.
- 37 LRB. Vol. 2. P. 60.
- 38 Riley T. Memorials of London and London life in the XIII, XIV and XV centuries. L. : Longmans, 1868. P. 514, 626.
- 39 LRB. Vol. 2. P. 78.
- 40 Ibid. P. 107.
- 41 Lipson E. The economic history of England : in 3 vols. L. : Adam & Charles Black, 1937. Vol. I. P. 399.
- 42 Ibid.
- 43 Ibid. P. 106.
- 44 LRB. Vol. 2. P. 102.
- 45 Английская деревня XIII–XIV вв. и восстание Уота Тайлера. С. 132.
- 46 LRB. Vol. 2. P. 78.
- 47 Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М. : Огиз Гослитиздат, 1946. С. 38.
- 48 Там же. С. 38–39.
- 49 Там же. С. 39.
- 50 Там же. С. 41.
- 51 GRB. Vol. 2. P. 205.
- 52 Ibid. Vol. 3. P. 60.
- 53 Statutes of the Realm, 1101–1713 : in 11 vols. / ed. by A. Luders, T. Tomlins. L. : Record Commission, 1810. Vol. 1. P. 378.
- 54 Ibid. L. : Record Commission, 1816. Vol. 2. P. 40.
- 55 LRB. Vol. 2. P. 65–66.
- 56 Swanson H. Op. cit. P. 60.

Образец для цитирования:

Мосолкина Т. В. Повседневная реальность Англии в художественной литературе и исторических источниках XIV–XV веков // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 58–63. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-58-63>

Cite this article as:

Mosolkina T. V. Everyday Life of England in Fiction and Historical Sources of the XIV–XV Centuries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 58–63 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-58-63>